

Ли Синь прикусила губу, быстро беря себя в руки.

Затем, на глазах у остолбеневших стражников, она сделала шаг вперед и властно прижала Лун Хаоюя к своей груди.

У того перед глазами потемнело. Воздух вокруг стал таким густым, что стало трудно дышать. Инстинктивно хватая ртом воздух, мальчик почувствовал знакомый аромат.

Этот запах... словно от бабушки.

Словно почувствовав его реакцию, Ли Синь обняла его еще крепче.

Неужели это та самая холодная и неприступная Адская Роза? Стражники переглянулись. Обычно, когда они здоровались с ней, Ли Синь лишь кивала в ответ, не произнося ни слова. А тут — пара фраз от паренька, и лицо Адской Розы залилось румянцем? Неужели искренность — это и есть секретное оружие? Возможно. Ведь в глазах стражников, когда они смотрели на Ли Синь, не было той самой искренности.

Если бы Лун Хаоюй знал, о чем они думают, он бы рассмеялся. Искренность становится оружием только в руках того, кто умеет ею пользоваться. Для всех остальных она — лишь никому не нужная трава под ногами, лезвие, которое вонзаешь в самого себя. Но нынешняя внешность Лун Хаоюя гарантировала: его искренность не причинит ему вреда.

Лун Хаочэнь, видя, как легко его брат нашел общий язык с Ли Синь, искренне порадовался. В Рыцарском зале Хаоюэ у него будет полно тренировок, и времени присматривать за братом почти не останется. Поэтому еще по дороге он решил попросить Ли Синь позаботиться о нем.

Пока Лун Хаоюй предавался воспоминаниям о бабушке, Ли Синь наконец разжала объятия.

— Спасибо тебе, Хаоюй.

— Сестренка Синь, наши родители ушли, и мы с Хаоюем... — Лун Хаочэнь попытался вставить слово, но Ли Синь перебила его:

— Ты хочешь сказать, что нападение демонов...

Лун Хаоюй закатил глаза. О чем эта девчонка думает? Не стоит судить о человеке по его внешности.

— Сестренка Синь, родители ушли по своим делам, а меня отправили в зал Хаоюэ для тренировок, — Лун Хаоюй внезапно взял Ли Синь за руку.

Ли Синь выдохнула, похлопав себя по пышной груди:

— Напугал! Оказывается, просто уехали далеко. Хаоюй, Хаочэнь, отныне зал Хаоюэ — ваш дом. Если кто вздумает вас обидеть, называйте мое имя.

Почувствовав, как крепко Хаоюй держит ее за руку, она с нежностью склонилась к нему:

— Твоему брату нужно тренироваться, времени у него будет мало. Приходи играть ко мне, я буду о тебе заботиться, хорошо?

Лун Хаоюй лучезарно улыбнулся и закивал. Именно этого он и ждал.

Ли Синь, видя его радость, решила, что мастерски покорила сердце маленького красавчика. Настроение у нее поднялось: теперь у нее есть еще один младший братишка — послушный, ласковый и умеющий поднять настроение.

— Пойдемте внутрь.

Она взяла Лун Хаочэня за другую руку и повела их вглубь зала Хаоюэ.

Стражники у входа проводили их взглядами.

— Как думаешь, он притворяется? Наша Адская Роза когда-нибудь была с кем-то так ласкова?

— Вряд ли. Он такой красавчик, и говорит так сладко — зачем ему притворяться?

— А если всё же притворяется?

— Если это игра... то это просто страшно.

— Выходит, у меня совсем нет шансов?

— Ты бы хоть в лужу посмотрелся. Рядом с таким красавчиком ты — пустое место, о чем ты вообще мечтаешь?

— А помечтать нельзя, что ли?

— Проваливай, шут гороховый...

Ли Синь была высокого роста, и братья, шагавшие по бокам от нее, казались на голову ниже.

— Настоящие близнецы, не только похожи, но и ростом одинаковые. Хаочэнь за год так вытянулся и стал еще красивее.

Она бросила взгляд на Лун Хаоюя, который с любопытством оглядывался по сторонам. В каждом его жесте, в каждом повороте головы чувствовалась сложная, уникальная харизма, которой не было у Хаочэня. Вспомнив его слова и взглянув на цветок, который он ей подарил, она почувствовала, как сердце забилось чаще.

Фу! Ли Синь, что с тобой? Он же брат Хаочэня, на восемь лет младше тебя! Неужели ты решила засматриваться на малышей?

Она глубоко вздохнула, мысленно отругав себя, но почему-то при мысли о старой кобыле, жующей молодую траву, в голове промелькнула странная, невыразимая картина.

— Слушай, Хаочэнь, почему твои глаза стали светло-золотистыми? Раньше они были ярко-

голубыми, как у Хаоюя, — чтобы отвлечься от собственных мыслей, она переключила внимание на брата.

Лун Хаочэнь почесал затылок:

— Отец помог мне пройти священное пробуждение, после этого они изменились.

— Священное пробуждение меняет цвет глаз? Постой! Ты уже прошел пробуждение? Значит, твоя духовная сила превысила двести единиц? Скорее скажи сестре, какая у тебя внутренняя духовная сила?

Лун Хаочэнь смущенно покачал головой:

— Сестренка, отец запретил мне говорить.

Ли Синь понимающе кивнула, а затем посмотрела на Хаоюя:

— Значит, Хаоюй еще не проходил пробуждение?

— Это... Хаоюй провалил священное пробуждение, — сжав кулаки, процедил сквозь зубы Лун Хаочэнь.

Для Ли Синь эти слова прозвучали как удар грома. Она прекрасно понимала, что означает провал. У Лун Хаоюя больше не будет шансов подняться выше второго ранга. Даже если он доведет внешнюю силу до предела, он навсегда останется на пике второго ранга. Первый барьер в системе совершенствования — достичь двухсот единиц внешней силы, чтобы пробудить внутреннюю. Дальше всё зависит только от внутренней силы. Как ни тренируй тело, ранг не повысить.

Сама Ли Синь уже достигла седьмого уровня третьего ранга. Представив, что ей пришлось бы навсегда застрять на втором, она почувствовала, как к горлу подступил ком.

Глаза Ли Синь мгновенно покраснели, она притянула Хаоюя к себе.

— Хаоюй, всё в порядке. Быть обычным человеком — это не так уж плохо. Я буду защищать тебя всю жизнь, буду сражаться с демонами, чтобы ты всегда был счастлив.

Лун Хаоюй опешил. Он был занят изучением шести Тронных печатей в главном зале и не слушал их разговор. Внезапно оказавшись в объятиях, он не успел среагировать. Но, почувствовав искреннюю печаль Ли Синь, он решил ничего не менять. Лишь когда она похлопала его по спине, он поднял голову.

Он увидел слезинки, готовые скатиться по ее щекам.

Лун Хаоюй немедленно поднял руку, нежно вытер слезы, а затем...

Чмок.

Пока Ли Синь замерла, ожидая, что он закончит вытирать слезы, он коснулся ее щеки чем-то мягким. Разряд электричества пронзил ее тело. От внезапного оцепенения ноги Ли Синь подкосились, и она едва не повалилась на мальчика.

— Сестренка Синь, теперь лучше? Мама всегда целовала меня, когда мне было грустно, и мне сразу становилось легче.

<http://bllate.org/book/21257/2151923>